

О Т З Ы В

**официального оппонента на диссертацию
Юрасова Михаила Константиновича
«Венгрия и русские княжества в XII веке»,
представленную на соискание ученой степени
доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история**

Исследование является актуальным, поскольку до сих пор никто из исследователей в работах по истории русско-венгерских отношений домонгольского периода не учитывал в полном объёме изменение политической ситуации на Руси и в Венгрии в рассматриваемое время.

В диссертации анализируются все прямые и косвенные сведения нарративных источников: летописных, латиноязычных и византийской хронистики. Также привлекаются новые источники – свидетельства ал-Гарнати, булла Гонория III, посвящённая монастырю св. Дмитрия на Саве, и др., которые ранее не рассматривались в ракурсе истории русско-венгерских отношений. Также используются данные средневековой венгерской дипломатики.

В диссертационном исследовании учтена практически вся серьёзная историография затрагиваемых проблем на различных языках, прежде всего, на венгерском, неизвестная отечественным исследователям по причине языкового барьера. Рассматривая период становления зарубежной исторической науки в ракурсе исследования русско-венгерских отношений домонгольского времени, диссертант обращает внимание на то, знал ли тот или иной исследователь русский язык, а поскольку подавляющее их большинство русским не владели, какими переводами русских летописей и сочинений российских историков они пользовались.

Диссертант, в отличие от некоторых венгерских коллег, не использует в своём исследовании ни одного историографического мифа, возникшего вокруг личности внука Владимира Мономаха Бориса Калмановича. Вместе с тем диссертант не игнорирует полностью эту научную мифологию, приводя аргументы своих предшественников, доказывающие несостоятельность приписывания Борису целого ряда акций, совершённых неизвестными знатными венграми против Арпадов и польского князя Болеслава III Кривоустого.

Диссертант устанавливает все возможные матримониальные связи между Рюриковичами и Арпадами, а также их генеалогические связи с польскими князьями и византийскими императорами, прямо или косвенно сказавшиеся на характере русско-венгерских отношений в рассматриваемое

время. При этом он выявляет грубые ошибки в генеалогии Бориса Калмановича, допущенные американским исследователем Кр. Раффенспергером в одной из новейших работ, посвящённых названному внуку Владимира Мономаха (С. 148–149).

Диссертант старается максимально учесть особенности международной обстановки в различные годы исследуемого столетия для нахождения причин принятия политических решений, влиявших на отношения между правящими родами Руси и Венгрии.

При восстановлении полной (насколько позволяют источники) хронологической канвы событий истории русско-венгерских контактов XII в. учитываются сведения источников раннего Нового времени. При этом принимается во внимание степень их достоверности, и все делаемые на основе их информации выводы признаются не более чем вероятными.

В диссертации устанавливаются причинно-следственные связи между событиями внутривосточной борьбы в Венгрии, Польше, Византии и на Руси и русско-венгерскими контактами «на высшем уровне». При этом развенчиваются некоторые устоявшиеся в отечественной исторической науке представления, например, о том, что Владимир Мономах был более дальновидным политиком, чем Святополк Изяславич. По мнению диссертанта, первый хорошо разбирался в отношениях со степняками, а последний – с западными соседями.

Диссертант стремится показать в ходе исследования, как менялась стратегическая линия венгерских королей и их ближайшего окружения по отношению к различным политическим группировкам внутри разросшегося рода Рюриковичей. На заре XII столетия существовал прочный союз между киевским князем Святополком Изяславичем и венгерским королём Калманом Книжником. Хотя младший брат Калмана – герцог Алмош – стал зятем Святополка, последний ни разу не помог ему в борьбе за корону св. Иштвана. После смерти Святополка (1113) и Калмана (1116) такие же прочные союзнические отношения связывали их сыновей – Ярослава Святополковича и Иштвана II. В диссертационном исследовании не только рассмотрены причины провала попытки Владимира Мономаха заключить союз с Арпадами, но и его последствия: активная поддержка Иштваном II врагов Мономаха и Мономашичей на Руси, продолжавшаяся до 1138 г., когда Бела II оказал военную помощь сыну Мономаха – киевскому князю Ярополку Владимировичу в его попытке заставить уважать власть Киева черниговского князя Всеволода Ольговича.

Предшественники диссертанта неоднократно исследовали период наиболее интенсивных контактов между Рюриковичами и Арпадами в XII в., приходящийся на время княжения в Киеве Изяслава Мстиславича (1146–1154, с перерывами), но ими были даны ответы далеко не все вопросы, связанные с ролью венгров во время отражения Изяславом попыток его дяди

Юрия Долгорукого утвердиться на киевском княжеском столе. Так, диссертант находит объяснение долгой отсрочки наказания венгерским королём Гезой II галицкого князя Владимира Володаревича за истребление венгерского войска, шедшего на помощь Изяславу Мстиславичу (С. 420–424), а также причины, побудившие Гезу после разгрома Владимира позволить последнему легко обмануть себя и не сдержать королевского слова немедленно выступить в поход на Галич в случае клятвопреступления Владимира Володаревича (С. 437–441).

Диссертант уделяет в своём исследовании много внимания истории юго-западной Руси, прослеживая процесс формирования Галицкого княжества, в котором в той или иной степени проявился в разные эпохи «венгерский фактор». При этом рассматриваются все сведения источников о контактах потомков внука Ярослава Мудрого Ростислава Владимировича с Арпадами, в том числе «татищевские известия», которые проверяются на их возможную достоверность соотношением их с фактами из внешнеполитической истории Венгрии рассматриваемого времени. Диссертант ярко показал, что не в интересах венгерских королей было отдавать в 1152 г. будущую Галицию Изяславу Мстиславичу, под контролем которого уже находились Киевское, Владимиро-Волыньское и Переяславское княжества, чтобы не создавать на границах Венгрии сильное территориально-политическое объединение (С. 439).

Диссертант критически относится к попыткам современных украинских историков объяснить оказание помощи венгерскими королями Владимиру Володаревичу тем, что его жена была представительницей рода Арпадов. В данном случае диссертант считает информацию В. Н. Татищева о наличии у названного галицкого князя «тестя» в Венгрии, появляющуюся лишь во второй редакции «Истории Российской», домыслом историка XVIII в. При этом приводятся известия раннего русского летописания, которые трудно соотнести с рассматриваемым свидетельством В. Н. Татищева (С. 207–211).

Судьба галицко-венгерских отношений в годы правления в Галиче Ярослава Осмомысла (1153–1187), как выяснил диссертант, во многом зависела от отношений обоих государств с Византией. Ещё его отец Владимир Володаревич считался в «империи ромеев» вассальным союзником. Как показал диссертант, появление в роде василевсов тайного союзника Гезы II – Андроника Комнина стало одной из причин галицко-венгерского сближения (С. 466–469). В более позднее время, когда венгерским королём был Бела III (1172–1196), именно приход к власти в Византии в 1180 г. в качестве регента, а с 1183 г. – императора Андроника Комнина способствовал исчезновению со страниц источников сведений об оказании русскими военной помощи венгерским королям. Поскольку наиболее вероятным князем, отправлявшим эту помощь, был Ярослав Осмомысл, которому Андроник, скорее всего, приходился двоюродным братом, 80-е годы XII в. именно по этой причине, как по-

казал диссертант, стали периодом временного охлаждения отношений между Галичем и Венгрией (С. 543–544).

Попытка утвердить на галичском княжеском столе сына венгерского короля герцога Андраша (1188–1190) многократно исследовалась отечественными и зарубежными специалистами в ракурсе не только внешнеполитической, но и социальной истории. При этом внимание уделялось, прежде всего, действиям, которые предпринимались Белой III сначала для налаживания диалога с галичанами, а затем для удержания Галича под властью Арпадов методами ничем не ограниченного террора. Учитывая степень исследованности этого вопроса, диссертант не стал углубляться в проблемы социальной истории рассматриваемых событий, а сосредоточился на выяснении причин провала всех попыток русских князей изгнать венгров из Галича, а также на судьбе законного наследника Осмомысла – Владимира Ярославича, потерявшего свою «отчину» и вынужденного искать помощи сначала в Венгрии, а затем в Германии и Польше. Диссертант по-своему пытается решить проблемы хронологии этих событий, приводя аргументы в пользу того, что Владимир вернул с польской помощью Галич не в 1189 г., как это закрепилось в отечественной историографии после выхода в свет в 1963 г. известного исследования Н. Г. Бережкова по хронологии русского летописания, а в 1190 г., как это получается при пересчёте летописной датировки на современное летосчисление (С. 571–576). При этом диссертант встраивает в хронологическую канву событий, связанных с борьбой Владимира Ярославича за возвращение потерянного Галича, многочисленные известия польских средневековых хроник об этом, которые специалисты не знают, как датировать.

По мнению диссертанта, первая попытка утвердиться на землях будущей Галиции, несмотря на то, что оказалась неудачной, предопределила на многие десятилетия главную цель в отношениях венгерских королей к русским соседям. Если в 1123 г. командиры королевского войска категорически отказались штурмовать Владимир-Волынский после смерти претендовавшего на него Ярослава Святополковича, пригрозив Иштвану II в случае его упорства избрать нового короля, то начиная с 1188 г. Арпады искали возможности для вмешательства во внутренние дела Галицкого, а затем Галицко-Волынского княжества, стремясь закрепить на галичском столе одного из венгерских принцев. Исходя из этого устремления, диссертант считает вполне правдоподобным рассказ В. Н. Татищева о попытке венгерского короля (Имре) вмешаться в процесс выбора нового галицкого князя после смерти Владимира Ярославича в 1198 г. (С. 587–590). Саму по себе смену стратегической цели Арпадов по отношению к Руси диссертант объясняет активным включением Белы III в борьбу за гегемонию на Балканах после смерти Мануила I (1180): обладание юго-западной Русью, князья которой распространили своё влияние до Нижнего Дуная, позволяло венгерским королям в случае захвата всей Галицкой земли заставить только что возникшее Второе Болгарское царство воевать с Венгрией на два фронта (С. 553). Предшест-

венники диссертанта не обратили на это внимания, поскольку рассматривали начало венгерской политики натиска на юго-западную Русь исключительно в ракурсе непосредственных контактов между Рюриковичами и Арпадами.

Помимо влияния Византии на русско-венгерские отношения диссертант отмечает и вмешательство других соседних государств в эту сферу международных отношений рассматриваемого времени. Так, он приводит дополнительные аргументы в защиту гипотезы К. Я. Грота, согласно которой чешский король Владислав II возвращался в 1148 г. из Византии через Киев с целью уговорить Изяслава Мстиславича поддержать претензии Бориса Калмановича на венгерский престол (С. 358–363). Затяжку с отмщением Владимиру Володаревичу за истребление венгерского войска у Сапогыня диссертант объясняет ожиданием Гезой II известий из Германии, где всем было ясно, что часы жизни Конрада III сочтены, а новый правитель мог убедить свою знать пойти в поход на Венгрию, короли которой перестали признавать ленную зависимость от императоров Священной Римской империи (С. 423–424). Диссертант также впервые обратил внимание на то, что посылка римским папой Евгением III ок. 1153 г. специального посольства в Венгрию и на Русь была связана с попытками Римской папской курии воспользоваться разладом между Константинопольской патриархией и Киевской митрополией, вызванным неканоническим избранием в 1147 г. киевским митрополитом ставленника Изяслава Мстиславича Климента Смолятича (С. 448–453).

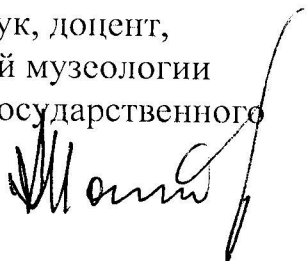
Для специалистов, занимающихся в наши дни летописной текстологией, характерно ярко выраженное недоверие к сводам XVI–XVII вв., доходящее до полного отказа от их использования при рассмотрении событий домонгольского времени. Диссертант старается избежать крайностей такого рода, учитывая аргументацию виднейших исследователей поздних летописных памятников, но в то же время пытаясь проверить уникальную информацию, отсутствующую в ранних русских летописях, на предмет её соответствия реалиям внешнеполитической жизни рассматриваемого времени. Разумеется, доказать таким способом достоверность уникальных известий невозможно, но всё же выявление степени вероятности их достоверности представляется более научным подходом, чем полное их игнорирование.

Для диссертанта характерно также стремление установить «первооткрывателей» некоторых положений, утвердившихся в исторической науке, а также выявить в историографии незаслуженно забытые мнения и точки зрения, дабы избежать приписывания себе чужих научных открытий. Так, аргументируя свою датировку времени возвращения Владимиром Ярославичем галичского стола, диссертант указывает на то, что впервые о том, что Владимир потратил два года на борьбу за возвращение Галича, написал автор соответствующей статьи Густинской летописи. При этом диссертант поправляет неизвестного летописца, считавшего, что всё это время Владимир провёл в Венгрии (С. 572), поскольку в таком случае он не застал бы в Германии Фридриха Барбароссу, отправившегося в 1189 г. в III крестовый поход.

Диссертант обратил внимание не только на политические контакты между Рюриковичами и Арпадами, но и на ход процесса постепенного переселения части жителей Древней Руси на территорию Венгерского королевства. При этом учтены сведения венгерских книжников XVI в., оставивших сведения о наборе Калманом Книжником русских добровольцев в корпус дворцовой охраны после его женитьбы на Евфимии Владимировне (С. 203–207), а также свидетельства отдельных венгерских королевских дипломов рассматриваемого столетия, в которых есть упоминания о «рутенах» (С. 532–533).

Представленное исследование соответствует всем требованиям, предъявляемым к докторской диссертации, а его автор заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук, доцент,
профессор, зав. кафедрой музеологии
Санкт-Петербургского государственного
университета

А. В. Майоров

Контактные данные:

Тел.: +79219563654, e-mail: a.majorov@spbu.ru

Специальность по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.02 – Отечественная история

Адрес места работы:

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории

Тел.: (812) 324 12 70; primdek@yandex.ru; 199034, СПб., Университетская наб., 7/9.

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ

А. В. Майорова
ЗАВЕРЯЮ

